

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОДЫ ПОСТСОВЕТСКИХ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ

НА ПРИМЕРЕ ГАГАУЗОВ И БОЛГАР В МОЛДАВИИ¹

Резюме

В данной статье процессы возникновения, размежевания и интерпретации геополитических кодов постсоветских этнонациональных сообществ на постсоветском пространстве рассматриваются на примере конструирования идентичностей малых народов Молдавии (гагаузов и болгар) с помощью методов группы теорий «критической геополитики». Интерес к данному кейсу обусловлен тем, что территориально и культурно Молдавия находится в зоне противоборства между российским и европейским дискурсами, что ставит ее население перед серьезным, пусть и искусственным геополитическим выбором. На примере пространственных образов гагаузов и болгар авторы показывают дискурсивную сложность и специфику их национальных идентичностей, их сходства и различия. Несмотря на то что оба народа мигрировали на территорию современной Молдавии практически одновременно и долгое время проживали совместно, под влиянием различных внешних обстоятельств и с учетом предшествовавших различий у них сформировались различные, хотя и сходные геополитические коды. В период распада Советского Союза их различия получили дополнительное статусное разграничение: гагаузам, в отличие от болгар, удалось добиться собственной административной и политической автономии в рамках Молдавии. В свою очередь болгары смогли приобрести полезного внешнего патрона в лице Болгарии. При этом обе этнические группы испытывают схожие проблемы, связанные с депопуляцией и давлением со стороны господствующих в Молдавии элит, противодействующих построению более инклюзивной модели государственности. В этих условиях обе этнические группы ищут внешней поддержки для сохранения и укрепления собственной идентичности. Неотъемлемой частью последней остается русская культура и языка, которые используются повсеместно в районах компактного проживания. В результате геополитические предпочтения гагаузов и болгар, при наличии множества расхождений, склоняются в сторону пророссийской внешнеполитической ориентации, и это позволяет авторам говорить о многомерности картины геополитических дискурсов многонациональной Молдавии.

Ключевые слова:

критическая геополитика; пространственные образы; геополитический код; национальная идентичность; Гагаузия; гагаузская идентичность; Тараклия; болгарская идентичность; Молдавия.

¹Статья подготовлена стажерами–исследователями Клуба геополитических исследований Научного студенческого общества МГИМО МИД России Марией Тисленко, Анастасией Салаватовой, Германом Остапенко под руководством и общей редакцией к.полит.н. И. Окунева

Процесс роста национального самосознания на постсоветском пространстве протекал по самым разным сценариям – от относительно мирных и ненасильственных (например, в Казахстане [Brill Olcott 2010: 16–18] до трагических и кровавых (в частности, в Узбекистане). Молдавия представляет собой один из случаев, в которых этническая напряженность не только вылилась в открытый конфликт и стала одной из побудительных сил раскола страны, но и дает основания для его теоретической интерпретации в духе «критической геополитики».

Молдавия – многоэтническое государство, на территории которого проживают молдаване, румыны, русские, украинцы, гагаузы и болгары. Подобная пестрота создает трудности для формирования модели идентичности, способствующей консолидации нации. Кроме того, находясь на линии размежевания России и Европейского Союза, Молдавия как лимитрофная полития Балто-Черноморской зоны оказалась вовлеченной в идейное противостояние двух антагонистических пространственных образов [Ильин 2008: 192–194]. Это обусловило искусственно сконструированную необходимость выбора западной и условно «русской» моделями развития. Перечисленные обстоятельства подчеркивают интерес к идентичностям этносов, проживающих на территории Молдавии, в контексте геополитического противоборства.

1

Геополитическое противоборство понимается авторами в парадигме критической школы. Ее основоположники, Жерар Тоал и Джон Эньо, отталкиваясь от фукольдической предпосылки, что география может выступать в качестве дискурса как формы отношений власти и знания [Tuathail 2005], предположили, что геополитика государств формируется не под влиянием фундаментальных естественных законов и структур пространства, а посредством пространственных мифов [Окунев 2009: 126–128]. Подобное заключение предопределило обращение к относительно новым и менее

распространенным методам исследования, в частности дискурса-анализу.

В соответствии с положениями критической школы, геополитический конфликт понимается как столкновение представлений различных социальных групп. В настоящей статье предпринята попытка провести деконструкцию двух национальных идентичностей, сосуществующих на территории республики Молдавия, – гагаузской и болгарской. Они имеют как общие, так и различные черты, но их главная особенность – *обособление от Молдавии в идентификационном аспекте без обособления политического, как произошло с Приднестровьем в 1990-х годах.*

Данный феномен был изучен Клубом геополитических исследований Научного студенческого общества МГИМО при поддержке Фонда развития Университета в ходе экспедиции, проходившей с 29 января по 2 февраля 2015 года. Ее целью было изучение национальных идентичностей на территории Молдавии через призму пространственных мифов.

Питательной средой для проведения исследования стало обострившееся в ходе крымского кризиса глобальное идейно-информационное соперничество. Международно-политический конфликт по поводу украинских событий зачастую интерпретировался как антагонизм пространственных образов «Европы» (Европейского Союза) и «Евразии» (России) и, следовательно, стал фундаментально геополитическим.

Происхождение данного дискурса следует отнести еще к середине XV века, когда христианская пост-романская идентичность (границы распространения которой включали и Древнюю Русь) была дополнена пространственной характеристикой, формируя современные границы европейской цивилизации. Это связано с почти одновременным успехом Реконксты на Пиренеях и закатом Византийской империи, в результате чего пределы христианского мира начинают больше совпадать с географическими границами Европы. В то же время подобный пространственный образ актуализировал необходимость оформ-

ления восточной границы, которая в реальных географических условиях может быть только воображаемой.

Ордынское иго на Руси в то время и попытка формирования национальной идеи нового Московского государства через позиционирование себя в качестве наследницы Византии способствовали оформлению новой воображаемой границы. Она пролегла между католической Западной Европой и православной Россией, образовав буферную серую зону на территориях славянских, балтийских и финно-угорских народов. Данный дискурс, будучи привнесенным в Россию в XVIII–XIX веках, сформировал ключевую дихотомию российской внешней политики (спор «западников» и «почвенников»).

В условиях ужесточения отношений России и ЕС в середине 2010-х годов произошла мобилизация пространственных представлений. Гражданская война на Украине привела к оформлению мифа о двух государствах, вышедших из ядра Древней Руси – европейского, демократического украинского, и восточного, деспотичного российского. Антагонизм двух образований привел к реинтерпретации в Киеве европейской идентичности как антиросийской. Данный спор породил схожие представления о «европейскости» Молдавии, Белоруссии, Грузии, Армении, как культур, альтернативных азиатской России.

Образовавшийся дискурс также оказался формой маркирования внутривнутриполитических расколов в странах российско-европейского пограничья. Так, в Молдавии сторонниками интеграции с Россией стали не только русские жители Приднестровья, но и культурно более далекие гагаузы и болгары. Об этом свидетельствуют результаты референдума в автономном территориальном образовании Гагаузия, проведенного 4 февраля 2014 года. При ответе на вопрос «Выступаете ли вы за интеграцию Молдовы в Таможенный/Европейский союз?» около 98% гагаузов проголосовало за первый вариант и менее 3% – за второй.

В дискурсе выбора ориентации на Европу или Россию преломилась политическая дискуссия о формах национального строи-

тельства в молодом государстве. Европейский выбор стал маркером мажоритарной модели, предполагающей построение этноцентристской нации на основе молдавской народности. В своей крайней форме она предполагает объединение страны с Румынией, отождествляет молдавский этнос и язык с румынскими. Российский выбор стал маркером консоциативной модели, основанной на построении политической нации, предполагающей сбалансированное участие различных этнических и религиозных групп в политическом процессе.

Два варианта ориентации – на Москву или Брюссель – становятся идеалтипическими полюсами внешнеполитической ориентации лимитрофных государств этой зоны в целом [Ильин 2008: 192]. Между тем в регионах Молдавии, в которых проживает этническое большинство, сохраняется существенная амбивалентность в отношении предлагаемого выбора.

С одной стороны, наличествует официальная модель молдавской идентичности, транслируемая элитами, в том числе по каналам исторического дискурса [Сергеева 2015: 59–61]. Например, курс истории для средней школы носит название «История румын», а в его учебниках опыт Молдавии преподносится односторонне. Игнорируется история национальных меньшинств, которые составляют 36% населения Молдавии, и оправдываются темные эпизоды истории, такие, как участие Румынии в Холокосте [Anderson 2005: 56–64].

С другой стороны, зафиксирована бытовая модель молдавской идентичности [Тисленко 2015: 1236–1238]. Их сравнение представлено ниже:

Официальный дискурс	Бытовой дискурс
<ul style="list-style-type: none"> • Ориентация на Евросоюз и на Румынию как часть Европы • Негативная оценка советского прошлого • Молдавский язык как инструмент формирования идентичности • Ориентация на молодежь 	<ul style="list-style-type: none"> • Отождествление себя с Европой, но наличие коллективной памяти о связях с Россией • Оценки СССР разнятся • Бытовая билингвальность • Носитель – старшее поколение

Авторы руководствовались теоретическими положениями, почерпнутыми из критической геополитики, и исходили из предпосылки о пространстве как конструируемой реальности, что обусловило использование концепта нации в его конструктивистском понимании. В соответствии с ним, речь идет об общности, не изначально данной и существующей на всех исторических этапах, а проявляющей себя по-разному в разное время.

Б. Андерсон указывал на трансформации в способах восприятия пространства и времени как на элемент конструирования нации. В частности, к пространственным образам относится оформление границ, а к временным — формирование национальных языков. Нацию Андерсон предложил понимать как воображаемое политическое сообщество, которое воспринимается как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное [Андерсон 2001: 28]. Воображение в данном случае выступает как консолидирующее начало, позволяющее каждому отдельному члену объединения осознать коллективную связь и солидарность, так как члены нации, вне зависимости от ее размера, никогда не смогут знать всех остальных членов в лицо. Отличие нации от других сообществ проявляется, соответственно, в «стиле воображения», то есть в совокупности приемов использования нарративов и смыслов [Андерсон 2001: 31].

Коллективные идентичности конституируются не только внутренними конструктами воображения; они имеют и внешние составляющие в виде образов «других», выступающие в роли маркеров, разделяющих сообщества между собой [Нойманн 2004: 14]. Концепт «другого» важен в представленном исследовании как элемент, не только позволяющий более полно осмыслить идентичности гагаузов и болгар, но и частично объясняющий сложившийся дискурс противопоставления России и Запада.

Одной из составляющих при формировании европейской идентичности, в частности, стал образ России. До сих пор во-

прос о ее принадлежности к Европе остается одним из центральных в дискурсе региональной безопасности [Нойманн 2004: 98]. В западных представлениях репрезентация России в последние годы сводится к двум аспектам: в ней видят одновременно и потенциальную военную угрозу, и ученика по части ценностей и свобод. Причем на протяжении нескольких веков с Россией устойчиво ассоциируется образ только что цивилизовавшейся и вставшей на путь европейского развития страны. За ней признается культурная близость европейской цивилизации в ряде вопросов, но одновременно доминирует идея ее зависимости: Россия — не полноправная великая держава, этот статус присвоен ей по милости Европы [Нойманн 2004: 151].

После распада Советского Союза появились предпосылки для воспроизводства образа российского «другого» в бывших республиках СССР. Его интерпретации на постсоветском пространстве играют важную роль при формировании сегодняшней политической повестки дня в регионе.

Одновременно в молдавском обществе гагаузы и болгары выступают в качестве внутреннего, а не внешнего «другого». В этой связи невозможно рассматривать их национальные идентичности вне контекста молдавской государственности и процессов ее строительства. Процесс межрегиональной дифференциации в Молдавии через создание и поддержание внутренних ментальных границ между центром и периферией позволяет выявлять территории, нуждающиеся в специальных мерах, направленных на сохранение их ответственности национальным нормам, а тем самым — и государственности [Yiftahel 1998: 37].

Геохронополитическое измерение данного процесса означает, что центр-периферийные отношения — географическая проекция временных различий. Общество дифференцирует пространство через дихотомию современного и отсталого [Agnew 2003: 36]. Создание и поддержание внутренних ментальных границ между центром

и периферией позволяет первому ощущать себя развитым, а последней осознать свою отсталость, то есть необходимость следовать за первым.

По мнению К. Джонсона и А. Коулман, «указание центром на экономически и культурно более слабый регион объединяет оставшуюся часть этого государства за счет создания мифа, демонстрирующего величие национальных идеалов и опасность уклонения от них» [Джонсон, Коулман 2012: 111]. Внутренний «другой» «вначале оказывается подчиненным, а затем ему приписываются отрицательные характеристики – например, культурная или моральная отсталость, коренящаяся в его колониальном положении» [Джонсон, Коулман 2012: 112].

В исследовании была применена выдвинутая Колином Флинтом концепция **геополитического кода**, под которой понимаются *принципы позиционирования страны в мире* [Flint 2006: 56]. Каждая страна имеет свой геополитический код и может развивать его как в локальной и региональной, так и в глобальной проекции. Локальный характер имеют взаимоотношения государств с их непосредственными соседями. Региональный геополитический код выражает стремление государства расширить свое влияние в пределах более широкого ареала. Например, амбиции Китая распространяются на Юго-Восточную Азию, а Египет стремится укрепить свои позиции в Арабском мире [Flint 2006: 58]. Глобальный геополитический код одних игроков способен влиять на выбор других, более слабых субъектов. В результате последние не имеют полной свободы действий в рамках сложившейся международной системы.

В этой связи выбор Молдавией какой-то стратегии неизбежно коснется гагаузского и болгарского сообществ, проживающих на территории республики. Геополитический код государства создает его элиту, и проводимая политика всегда имеет сторонников и противников, как и в случае с выбором внутривнутриполитической линии. Особое значение имеет способ

представления выбранного истеблишментом геополитического кода населению и международному сообществу. Это в том числе вопрос легитимации агрессивных действий государства по отношению к другой стране в глазах внутренней и зарубежной аудиторий.

2

Для проверки подтверждения выдвинутой гипотезы были собраны и проанализированы дискурсивные практики в Комрате (Автономное территориальное образование Гагаузия) и Тараклии (Болгарская национально-культурная автономия).

В Комрате исследовательская группа посетила экспозиции местного краеведческого музея и картинной галереи, где провела глубинные неформальные интервью с четырьмя работниками музея. Респонденты не знали о проведении интервью, так как ввиду сложной политической обстановки они бы предпочли либо воздержаться от ответа, либо давать стандартные ответы, отражающие официальный политический дискурс. Кроме того, на улицах Комрата в ходе неформальных бесед путем случайной выборки было опрошено шесть жителей Комрата в возрастной группе от 21 до 55 лет. Во всех интервью ставилось целью прямо или имплицитно получить ответы на следующие вопросы:

– Используется ли гагаузский язык в быту?

– Ощущаете ли вы себя гагаузом?

– Насколько отличен гагаузский народ от остальных молдаван и в чем это проявляется?

– Как Вы оцениваете политику Кишинева в отношении Гагаузии?

– На фоне текущего обсуждения возможного вступления Молдавии в ЕС, какому интеграционному объединению Вы симпатизируете больше: Евросоюзу или Евразийскому экономическому союзу?

В Тараклии группа исследователей посетила государственный университет, в котором были проведены интервью с преподавателями и студентами в соответствии с теми же принципами, которые соблюда-

лись при опросе музейных работников Комрата. От них были получены ответы на схожие вопросы, с заменой гагаузской идентичности на болгарскую. Кроме того, задавались вопросы по поводу гагаузско-болгарских отношений и соотношения идентичностей двух народов. Работники науки и культуры были выбраны в качестве носителей «выкристаллизованного» болгарского и гагаузского дискурсов.

Были произведены сбор и интерпретация национальной символики на административных зданиях Комрата и Тараклии, а также мониторинг одного из самых посещаемых местных интернет-СМИ <http://gagauzinfo.md> (около 170 тыс. посетителей в год). Все полученные материалы были подвергнуты систематическому дискурс-анализу. Ввиду временных ограничений, а также чувствительного отношения национальных органов власти, привлекалась ограниченная выборка респондентов. Это обуславливает необходимость проведения дальнейшей, более детальной работы, подтверждающей достоверность результатов выполненного анализа.

Э

Ключевым моментом истории гагаузов и болгар Буджака исследователи считают конец XVIII – начало XIX веков – период, связанный с переселением полиэтнического населения Болгарии, Греции и Сербии, вызванного ростом политической нетерпимости в Османской империи [Булгар 2006: 71–86]. Оно было инициировано правительством Российской империи, обещавшим помощь и налоговые послабления лицам «греческого вероисповедания». Отсутствие размежевания по национальному признаку среди буджакских переселенцев породило дополнительные споры об отношениях гагаузской и болгарской идентичностей.

Несмотря на совместное проживание двух народов на территории Бессарабии, сёла создавались по этническому принципу. Постепенно выкристаллизовались два крупных ядра – болгарское с центром в Тараклии и гагаузское с центром в Комрате. Причем обе этнические группы использовали и русский, и свои национальные языки, а также сохраняли и передавали из поколения в поколение элементы традиционной культуры². В результате некоторые компоненты национальной идентичности гагаузов и болгар сложно отделить друг от друга, так как становление двух народов происходило компактно в территориальном аспекте и синхронно во времени – примерно со второй трети XIX века. Тем не менее рефлексия себя как нации у болгар и гагаузов имела место уже во второй половине XX столетия.

В 1918–1940 годах Молдавия оказалась разделенной, и ее левобережная по Днестру часть стала Молдавской АССР, в то время как правобережная вошла в состав Румынии. Нахождение под властью последней в 1918–1944 годах³ стало катализатором процесса осмысления собственной идентичности для обоих народов, поскольку румынская администрация вызвала недовольство местного населения своим пренебрежительным отношением к гагаузскому, болгарскому и молдавскому населению [King 1994: 345 – 368]. Подъем национального самосознания в этот период стоит рассматривать как реакцию на действия агрессивного «Другого», который подавлял гагаузскую и болгарскую самобытность и даже угрожал физическому существованию ее носителей (о чем свидетельствует отправка гагаузов в концентрационные лагеря в 1942–1943 годах) [Булгар 2006: 331 – 342].

После Второй мировой войны берет свое начало разрыв в темпах развития национального самосознания у рассматри-

²По материалам музейных экспозиций Тараклийского государственного университета имени Георгия Цамблака и Комратского краеведческого музея.

³С перерывом в 1940–1941 годах, когда Бессарабия вошла в состав СССР по пакту Молотова–Риббентропа. В начале Великой отечественной войны она была оккупирована румынскими и немецкими войсками.

ваемых народов. Советское правительство поощряло этнокультурное развитие гагаузского этноса. Венцом этого процесса стала разработка гагаузской письменности в 1957 году: ранее язык был бесписьменным. Интерес к гагаузской культуре дал мощный импульс ее развитию, в то время как среди молдавских болгар аналогичного подъема не произошло как из-за наличия сформированной культуры, заимствованной из Болгарии, так и ввиду отсутствия внимания к ним со стороны советских властей.

Со второй половины XX века в силу исторических и политических причин происходит окончательное размежевание моделей национальной идентичности у болгар и гагаузов. В дальнейшем этот процесс только усугублялся. Ввиду изменения административно-территориального деления Молдавии, Тараклийский район то упразднялся (1941, 1952, 1962), то восстанавливался (1940, 1953, 1980), что не могло не отразиться на динамике развития местной идентичности.

Точкой расхождения стало движение гагаузов за автономию, появившееся в конце 1980-х годов. Его возглавила народная организация «Гагауз Халкы». Активизация автономизма была обусловлена действиями молдавских властей, пытавшихся проводить политику румынизации с 1989 года. При этом гагаузы не столько стремились к политическому самоопределению, сколько выступали за реализацию мультиэтничной модели нового молдавского государства с уважением прав национальных меньшинств.

Противостояние румынизации едва не вылилось в вооруженный конфликт («Поход на Гагаузии» в 1990 году), но в 1994 г. национальное меньшинство согласилось на интеграцию в состав Молдавии на правах автономно-территориального образования «Гагауз Ери» с избираемым башканом, Народным Собранием и тремя официально закрепленными языками –

гагаузским, молдавским и русским. Оно также получило право на выход из состава республики в случае угрозы безопасности гагаузскому населению⁴. Между тем со стороны молдавских болгар схожих попыток обособиться не наблюдалось. Более того, они не захотели войти и в создаваемое гагаузами автономное территориальное образование.

Таким образом, этнодемографические процессы среди гагаузов и болгар привели к тому, что у обоих народов сформировалась собственная самоидентификация, несмотря на их одновременное появление в Буджаке и первоначальное отсутствие этнических границ. Встает вопрос, чем именно отличаются гагаузская и болгарская модели идентичности и что их сближает сегодня.

4

Болгарская идентичность жителей Тараклийского района, как и идентичность населения Гагауз Ери, была сформирована путем объединения национально-исторических, социально-психологических, культурных, политических представлений. Их содержание составляют особенности национальной культуры, формирующиеся этническими характеристиками [Гаджиев 2011: 3–17], которые имеют внутреннее и внешнее измерения. К первому относится восприятие национальной общности населения, ко второму – позиционирование в геополитическом окружении. Этническая идентичность влияет не только на политический статус самой национальной группы, но и на геополитический статус полиэтничной Молдавии. Идентичности болгар и гагаузов имеют изначальную этническую основу, в отличие от недавно сконструированных приднестровской и собственно молдавской идентичностей.

При этом дискуссионный вопрос о происхождении гагаузов становится объектом манипуляций, особенно в академической

⁴Закон об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери). 23.12.1994. URL: <http://www.gagauzia.md/pageview.php?l=ru&idc=389>

среде этнологов. В частности, некоторые исследователи утверждают, что гагаузы – это отуреченные болгары [Каранфил 2009: 6–7]. Российский тюрколог гагаузского происхождения М.Н. Губогло даже говорит о «вирусе болгаризации» у ряда авторов, занимающихся историей молдавских гагаузов и болгар [Губогло 2007: 68–71]. Продолжающийся спор демонстрирует противостояние двух мифологем: те, кто говорят о гагаузах как о производной национальности, пытаются тем самым лишить их политической субъектности. Одновременно вопрос этногенеза способствует мифотворчеству в среде как обывателей, так и профессиональных гагаузских историков (особенно показательны миф о скифах как предках гагаузов и миф о том, как гагаузы защищали Константинополь в 1204 году) [Никогло 2010: 50–81].

Данное обстоятельство раскрывает общую черту моделей национальной идентичности гагаузов и болгар – их структурную сложность и аморфность, которые имеют несколько проявлений. *Во-первых*, в территориальном аспекте. Если посмотреть на карту АТО Гагаузия, то заметна ее территориальная фрагментированность: она объединяет множество анклавов. Это связано с тем, что территорию образования определяли сами граждане путем волеизъявления на референдуме 1995 г. и некоторые села проголосовали против вхождения в состав Гагауз Ери. По словам сотрудников Комратского краеведческого музея, жители многих поселений не могли определиться, кто они – гагаузы или болгары. *Во-вторых*, в структурном аспекте: при анализе культурного, исторического, музейного и политического дискурсов, четко проявляются сосуществующие и часто взаимосвязанные компоненты гагаузской и болгарской идентичностей, воплощающиеся в обычаях и обрядах [Квилинкова 2014: 182–189].

Основой гагаузской идентичности выступает автохтонный компонент. Он выражается в сохранении и использовании

собственного языка в СМИ и быту (некоторые вывески магазинов, книгопечатная продукция). Несмотря на то что в 2012 г. ООН объявила гагаузский язык исчезающим, такое его положение обусловлено не сокращением сферы его употребления среди носителей, а демографической ситуацией. Более того, автохтонные черты гагаузской идентичности проявляются в политических символах: знаках государственности на административных зданиях, использовании национальных изображений (волка и цветов флага) в агитационных материалах, почитании народного движения «Гагауз Халкы». Кроме того, местное население склонно к восприятию румынской оккупации 1940-х годов как трагедии, когда «...гагаузский народ попал в жернова истории по вине крупных, агрессивных держав»⁵.

С автохтонными элементами идентичности сосуществует влияние русской культуры. В частности, большое значение имеет русский язык, на котором ведется делопроизводство в Гагауз Ери. Его значимость трудно преувеличить: с момента переселения гагаузов в Бессарабию он стал коммуникативным средством образования и духовного развития населения, а в XX веке – основой построения билингвальной национальной идентичности без потери этнической аутентичности [Цвятков 2015: 19]. Право на его использование гагаузам пришлось отстаивать едва ли не с оружием в руках. В подавляющем большинстве вывесок в Комрате использован русский язык, при этом в ходе экспедиции не было обнаружено ни одной вывески на молдавском. Другими важными субэлементами «русскости» выступают память о Великой Отечественной войне, которая похожа больше на дискурс в России, нежели в самой Молдавии, и уважение к политической воле Приднестровья. Необходимо упомянуть и о православии: его нельзя рассматривать как исключительный элемент гагаузской идентичности, так как его исповедуют и болгары, и молдаване.

⁵По материалам экспозиции Комратского краеведческого музея.

Вместе с тем все службы в храмах Гагаузии ведутся на русском языке, а в национальном самосознании религия играет важную мировоззренческую роль.

Третий компонент гагаузской идентичности связан с принадлежностью населения к тюркской группе народов. Она дала импульс расширению связей с Турцией, начавшееся в 1990-х годах, способствовала его легитимации. Проявлениями этого компонента стали открытие библиотеки имени Ататюрка и значительные потоки рабочей миграции гагаузов в Турцию.

В болгарской идентичности можно также выделить три компонента, которые типологически воспроизводят гагаузскую структуру – собственно болгарский, русский и тараклийский. Доминирующим выступает болгарский компонент. Ключевую роль в понимании пространства занимает восприятие и обоснование в общественных дискуссиях современной Болгарии в качестве исторической родины. Такое самовосприятие получает поддержку со стороны болгарского правительства. Имеет место патронат государства над диаспорой в Молдавии. В частности, при поддержке Болгарии был создан Тараклийский государственный университет, который сегодня превратился в главный центр сохранения и поддержания культурной идентичности. Сотрудничество по болгарской линии открывает в регион двери ЕС и НАТО как организациям, в которые входит патрон местного населения.

Другой компонент идентичности местных болгар – русский – обнаруживает большое сходство с гагаузской моделью. Для ее носителей характерна билингвальность на бытовом уровне, а также интерпретация событий 1941–1945 годов как Великой Отечественной войны, а не Второй мировой. Преподаватели Тараклийского университета в ходе общения рассматривали Россию как гаранта стабильности в регионе.

Автохтонный тараклийский элемент локальной идентичности, в отличие от случая гагаузов, выступает не этническим, а пространственным. Тараклийские болгары,

составляющие около двух третей болгарской диаспоры на территории Молдавии, сумели не только консолидироваться территориально, но и выработать собственную повестку дня. Они способны открыто артикулировать свои интересы, о чем свидетельствует устойчивое нежелание молдавских болгар присоединяться к Гагаузии. Тараклийские болгары проявили себя как сообщество, не стремящееся к самоизоляции. Тем не менее в сложившейся модели идентичности возможно найти интерпретацию себя как внутреннего «Другого» в общественном дискурсе Молдавии. В ней наличествует противопоставление себя кишиневским властям и молдавскому государству. По мнению местной интеллигенции, последнее угрожает национальному меньшинству ассимиляцией и румынизацией.

Интерпретация себя как внутреннего «другого» в Молдавии характерна и для гагаузов, однако у них она присутствует в меньшей степени и приобретает сильную политическую коннотацию. К ней часто прибегают кандидаты на выборах, давая обещание отстаивать гагаузские интересы и не позволять Кишиневу ущемить права или подорвать независимость гагаузского народа: происходит трансформация дискурса «мы – другие» в новый дискурс «государство в государстве».

Большая обеспокоенность болгар политикой Кишинева, вероятно, обусловлена угрозой их территориальному и этническому сообществу. Болгарская община стремится к сохранению административно-территориальной единицы с центром в городе Тараклия, в частности в связи с готовящейся реформой административно-территориального деления Молдавии. Наделение территории компактного проживания автономией по аналогии с Гагаузией не является ее задачей. Главное – сохранить статус собственного района. Таковым после реформы смогут обладать только населенные пункты, в которых проживает свыше 50 тыс. населения и которые формируют свой бюджет посредством самофинансирования не ме-

нее чем на 30%⁶. Данный критерий оказывается проблематичным для Тараклийского района, в котором проживает 42 тыс. человек⁷. Если не удастся получить статус национально-культурного района – особого административного образования по этнокультурному признаку – следующим шагом станет объединение болгарских сел из других районов для защиты от ассимиляции⁸.

Еще одним вызовом становится неблагоприятная демографическая тенденция. С 1991 г. в болгарской диаспоре резко сократилась рождаемость и выросла смертность. По данным переписи населения Молдавии 2004 г. численность болгарского населения составила 65 662 человека. По сравнению с предыдущей переписью 1989 г. оно сократилось на 7827 человек, или на 11%. Болгарские села вымирают ввиду миграционных потоков – молодые люди после окончания учебы устремляются на заработки в город и не возвращаются домой [Грек 2006: 137–136]. Перед болгарским сообществом проблема выживания стоит еще острее, чем перед гагаузским.

5

Сегодня Молдавия представляется полем противоборства интересов России и ЕС. При этом внутри страны пророссийский вектор внешней политики отстаивает русское население, сконцентрированное преимущественно на востоке страны, в том числе в Приднестровье.

Выбор Молдавии формируется на двух уровнях: высокой и низкой геополитики. Дискурс первой конструируется элитой (в том числе и интеллектуальной), тогда как дискурс низкой геополитики отобра-

жает социальные представления на уровне обывателей [Колосов, Зотова 2011: 172]. Политические дискуссии внутри Молдавии характеризуются крайней неоднородностью. Помимо традиционной линии раскола Молдавии и Приднестровья обнаруживаются внутренние противоречия в национальной политике. Отношения между молдаванами, украинцами, русскими, гагаузами и болгарскими носят подчас напряженный характер, а это, в свою очередь, оказывает влияние на дискурс низкой геополитики. Распределение политических предпочтений граждан наглядно демонстрирует данный тезис: в Тараклийском районе и АТО Гагаузия традиционно голосуют на выборах за тех кандидатов, которые провозглашают курс на сближение с Россией⁹.

Нельзя с уверенностью утверждать, что национальные меньшинства способны оказывать существенное давление на геополитический выбор Молдавии. Вместе с тем полностью исключить гагаузское и болгарское влияние нельзя: кишиневским властям приходится считаться с их политическим волеизъявлением, чтобы избежать повторения приднестровского сценария.

Одним из аспектов исследования были разработки в области геополитического кода как составной части модели национальной идентичности. Несмотря на то что концепция К. Флинта ставит в центр государство, в ходе настоящей работы была предпринята попытка применить эту категорию к гагаузскому и болгарскому сообществу. Ниже приведены результаты проведенного анализа (Табл. 1).

При разработке геополитических кодов трудно отрицать влияние социально-эко-

⁶Заседание городского совета г. Тараклии. Телеканал NTS. URL: <http://nts.md/video/news/471-zasedanie-gorodskogo-soveta>.

⁷Тараклия может получить статус национально-культурного района. Интернет-портал Point.md. 16.04.2013. URL: <http://point.md/ru/novosti/obschestvo/tarakliya-mozhet-poluchitj-status-nacionalnijnokuljturnogo-rajona> (дата обращения: 30.03.2015).

⁸Тараклия планирует привлечь в свой состав болгарские села из других районов. Новостной портал moldnews.md. 26.05.2014. URL: <http://moldnews.md/rus/news/67811>.

⁹На выборах главы Гагаузии за Ирину Влах проголосовало 53% избирателей. 23.03.2015. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2446962>; Председателем Тараклийского района избран социалист Кирилл Татарлы. 10.07.2015. URL: <http://gagauzinfo.md/index.php?newsid=19362>

Таблица 1
Сравнение геополитических кодов гагаузов и болгар Молдавии

Категории геополитического кода	Гагаузский геополитический код	Болгарский геополитический код
<i>Кто наши нынешние и потенциальные союзники?</i>	1. Россия; 2. Турция.	1. Болгария; 2. Россия; 3. ЕС (производное от Болгарии направление).
<i>Кто наши нынешние и потенциальные враги?</i>	1. Румыния; 2. Молдавские власти.	
<i>Как сохранить существующих союзников и привлечь потенциальных?</i>	1. <i>В отношении России:</i> а. Поддерживать идею вступления Молдавии в Евразийский экономический союз; б. Отдавать предпочтение на выборах пророссийским кандидатам; с. Расширять экономические связи с Россией. 2. <i>В отношении Турции:</i> а. Расширять культурные связи; б. Расширять миграционные возможности для граждан Гагауз Ери, желающих отправиться в Турцию (экономический аспект).	1. <i>В отношении Болгарии:</i> а. Поддержание культурных связей через Тараклийский ГУ; 2. <i>В отношении России:</i> а. Поддерживать идею вступления Молдавии в Евразийский экономический союз; б. Голосовать на выборах за пророссийских кандидатов. 3. <i>В отношении ЕС</i> – через расширение связей с Болгарией как членом Евросоюза.
<i>Как противостоять существующим врагам и предотвратить появление новых?</i>	1. Не поддерживать прорумынские и проевропейские партии на выборах; 2. Оказывать давление на Кишинев с целью упрочения или расширения автономии; 3. Выйти из состава Молдавии в случае объединения той с Румынией.	1. Не поддерживать прорумынские и проевропейские партии на выборах; 2. Сохранить свой нынешний территориальный статус и/или улучшить его. 3. Войти в состав Гагаузии.
<i>Как мы можем объяснить эти положения нашему народу и международному сообществу?</i>	1. Использование интерпретации себя как внутреннего «Другого» в составе Молдавии и противопоставление себя кишиневским властям; 2. Использование страха ассимиляции среди молдаван и, возможно, румын; 3. Поддержание мифа о заступничестве России через отсылку к прошлому и упрочения связей с ней в настоящем.	

номических категорий, так как субъекты руководствуются не только культурными мотивами. Одновременно с этим элиты нередко могут пытаться манипулировать гражданами, апеллируя к их чувству национальной гордости и тем самым разжигая настоящие «идентитарные войны». В критической геополитике связь между политэкономическим измерением и культурным не может быть представлена как односторонняя: в ней не признается примат одного над другим. Элементы геополитических кодов могут спускаться элитами сверху, но если он слишком чужд со-

обществу, то оно не примет навязываемую повестку.

Молдавия выступает примером подобной ситуации. Гагаузы и болгары могут симпатизировать России не потому, что русские спонсоры им щедро заплатили (в случае Тараклии болгары не получают поддержку от России), а потому, что русский компонент играет важную роль для их осознания себя и своего места в мире.

Представленная таблица демонстрирует, насколько схожи геополитические коды гагаузов и болгар, особенно в части определения реальных и потенциальных против-

ников. При этом гагаузы имеют большее пространство для маневра ввиду большей юридической автономии. В частности, их территориальное образование имеет право на выход из состава Молдавии в случае ее объединения с Румынией¹⁰.

Тараклийские болгары менее самостоятельны, поэтому количество вариантов поведения уменьшается, а их качество отличается от наблюдаемых у гагаузов. Вместе с тем у них есть этнический патрон в лице Болгарии, тогда как у гагаузов как этноса нет государства, которое могло бы защищать права своей диаспоры за рубежом. Болгарская поддержка Тараклии в отличие от отношения Румынии к Молдавии не имеет явно выраженного политического значения. Она остается культурным явлением, тяготеющим к обоюдной связи разновеликих частей единого этноса.

У гагаузов была возможность найти схожего этнического патрона в лице Анкары. Но, несмотря на принадлежность языка к тюркской группе, они не развили тесное сотрудничество с Турцией или другими странами тюркского мира. Пропать в отношениях создает православная вера, которая остается одним из столпов самовосприятия народа.

Данное обстоятельство вынудило гагаузов искать союзников, не связанных с ними по крови, и в таком качестве сегодня выступает Российская Федерация. Признание за ней роли патрона обусловлено и памятью о вкладе СССР в развитие гагаузской этничности, и заступничеством России в Приднестровском конфликте, и широким использованием русского языка в быту. Политическим подтверждением обозначившегося общественного тяготения служит избрание Ирины Влах башканом Гагауз-Ери на выборах 22 марта 2015 года.

Политик в своей избирательной кампании активно апеллировала к поддержке Москвы: на ее персональном сайте выставлены фотографии с государственными деятелями Российской Федерации (Н. Валуев, В. Матвиенко, С. Нарышкин). В агитационных роликах и материалах она постоянно напоминала о широких связях в России и использовала такие политические маркеры, как «Россия – наш стратегический партнер» и «Российские регионы будут помогать каждому району Гагаузии!»¹¹ Таким образом, среди гагаузов наиболее эффективной была признана стратегия ориентации на Россию.

Среди болгарского населения подобный выбор еще не сделан, и для них сохраняется несколько доступных стратегий. *Во-первых*, существует возможность закрепления и институционализации связей с Болгарией, которым может быть придано политическое измерение. Вместе с тем расширение взаимодействия затруднено и ввиду географической отделенности от Болгарии территорией Румынии. *Во-вторых*, возможна более явная ориентация на Россию, несмотря на то что Тараклийскому району до сих пор не удалось наладить экономические связи с ней в той мере, как это сделала Гагаузия.

В-третьих, возможна кристаллизация более лояльной позиции по отношению к молдавскому государству. Тараклийский район обладает небольшим населением и зависимой от центра экономикой, что не позволяет болгарам выстраивать сколь угодно гибкую политику по отношению к Кишиневу.

Вместе с тем одним из барьеров выступает мультилингвальность болгарского населения. По переписи¹² из 65 тыс. человек 23 тыс. преимущественно разговаривают

¹⁰Закон об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери). 23.12.1994. URL: <http://www.gagauzia.md/pageview.php?l=ru&idc=389>

¹¹Предвыборная платформа Ирины Влах, независимого кандидата в башканы Гагаузии. URL: https://www.scribd.com/fullscreen/257866704?access_key=key-LmVxWlSGG1Rd1Ri3KG4o&allow_share=true&escape=false&show_recommendations=false&view_mode=scroll

¹²Национальное бюро статистики Республики Молдова. Перепись населения 2004 года. Демографические, национальные, языковые и культурные характеристики. Таблица 8. Системные требования для таблиц данными. URL: <http://www.statistica.md/pageview.php?l=ru&idc=295&id=2234>

на русском, еще 36 тыс. говорят на болгарском и только порядка 5 тыс. говорят на государственном языке. Распространение молдавского языка среди представителей национального меньшинства могло бы способствовать закреплению болгарской интеллигенции в органах государственной власти Молдавии.

Доступ болгар к высшим государственным должностям рассматривается ими как возможность быть услышанными, повысить престиж и влияние территориального сообщества внутри страны. Подобная перспектива рассматривается местным населением как альтернатива существующему образу хорошо образованных, но бесперспективных без молдавского языка болгар¹³.

В-четвертых, для болгарского населения сохраняется стратегия восстановления связей со своими гагаузскими соседями. Единая конфессиональная принадлежность приобретает мощное объединяющее значение и выступает более широким явлением, чем славянское братство. Более того, два этноса сохраняют традиции добрососедских отношений со времен Османской Болгарии. Схожесть культурных кодов и возможность компромисса по политическим вопросам лишь подчеркивают преимущества сотрудничества вплоть до создания общего территориального образования. Вместе с тем последняя перспектива не может не вызвать сопротивления молдавских властей, настороженно относящихся к любым попыткам расширения самостоятельности национальных меньшинств на территории республики.

В этой связи наблюдается существенный дисбаланс между стратегиями описанных групп и этнического большинства. Болгарская и гагаузская модели идентич-

ностей предполагают ориентацию на гармоничное сосуществование различных этносов на территории Молдавии. Между тем модель, навязываемая Кишинёвом направлена на формирование гомогенной молдавской идентичности за счет подавления всех прочих.

* * *

Геополитический дискурс Молдавии крайне неоднороден, и это подтверждается нарративами гагаузской и болгарской идентичностей, которые имеют этнический характер, аморфную структуру, а также интерпретацию себя как внутренних «других». Вместе с тем даже они существенно различаются и выступают как обособленные и самостоятельные модели. В настоящее время они сталкиваются с вызовами, обусловленными трудностями реконструкции исторического прошлого гагаузов и риском ассимиляции болгарского сообщества. Одновременно оба этноса располагают ресурсами для укрепления собственной идентичности. В их числе автономный статус Гагаузии, позволяющий им проводить более активную политику по сравнению с Тараклийским районом; а также наличие у молдавских болгар внешнего культурного патрона.

Существующие различия в моделях и внешних ориентациях не мешают гагаузам и болгарам исповедовать схожие геополитические коды, в которых Россия представляется в качестве союзника в отличие от Молдавии или Румынии. Исследование свидетельствует, что упрощенная интерпретация выбора Молдавии в контексте антагонизма пространственных образцов России и Европы некорректна. В реальности карта геополитических кодов жителей республики многомерна и гораздо сложнее.

¹³Грек И. Решение проблемы не в том, чтобы отказываться от русского языка, а в том, чтобы повысить уровень знания молдавского государственного языка, как и болгарского литературного языка до уровня владения русским языком». AVA.MD – информационно-аналитический портал/ 24.05.2009. URL: <http://ava.md/O14-poziciya/O2481-ivan-grek-reshenie-problemi-ne-v-tom-chtobi-otkazivatsya-ot-russkogo-yazika-a-v-tom-chtobi-povisit-uroven-znaniya-moldavskogo-gosudarstvennogo-yazika-kak-i-bolgarskogo-literaturnog.html>

Список литературы

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.
- Булгар С.С. История и культура гагаузов. Кишинев: Понтос, 2006. 746 с.
- Гаджиев К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. – 2011. – №10. С. 3–17.
- Грек И. Этнодемографические процессы среди болгар Молдовы и Украины в середине XVIII–XX в. // Русин. – 2006. – №4. – С. 123–141.
- Губогло М.Н. Концептуально-методическая ответственность в познании этнического фактора. // Русин. – 2007. – №1. – С. 60–81.
- Джонсон К., Коулман А. Внутренний «Другой»: диалектические взаимосвязи между конструированием региональных и национальных идентичностей // Культурная и гуманитарная география. – 2012. – №2 – С. 107 – 125.
- Ильин М.В. Балто-Черноморская система. Матрицы и перспективы восточноевропейского политического развития // «Космополис», 2008, № 1. С. 180–195.
- Каранфил Г. Бытовая лексика гагаузского языка (на основе названий одежды и обуви) // Туркестанская Библиотека. 2009. 91 с.
- Квилинкова Е.Н. О сохранности традиционной обрядности у бессарабских гагаузов и болгар через призму связи времен // История и современность. – 2014. – Выпуск №1(19). – С. 182–189
- Колосов В.А., Зотова М.В. Геополитическое видение мира российскими гражданами: опыт применения методов «критической геополитики». «Критическое» направление в геополитике: стала ли, наконец, геополитика наукой? // Географическое пространство России: образ и модернизация. СПб.: ВВМ, 2011. – С. 92–114.
- Никогло Д.К вопросу о формировании этнических мифов и символов у гагаузов // Этносоциологические и этнопсихологические практики: методологические подходы и комментарии / Под ред. М.В. Марунович. К.: Кишинев-Комрат, 2010. С. 50 – 81.
- Нойманн И. Использование другого. Образы Востока в формировании европейских идентичностей. Москва: Новое Издательство, 2004. С. 336.
- Окунев И.Ю. Географическое воображение как предмет исследования критической геополитики // Политическая наука. – 2009. – № 4. – С. 126–137.
- Сергеева З.В. Визуальные проявления идентичности в Кишиневе // Сравнительная политика. – 2015. – Том 6. – №4 (21). – С. 59–61.
- Тисленко М.И. Молдавия на распутье: национальная идентичность как детерминант геополитического выбора // Политическая наука перед вызовами современной политики. Материал VII Всероссийского конгресса политологов, Москва, 19–21 ноября 2015 г. Москва: Аспект Пресс, – 2015. – С. 1236–1238.
- Цвятков Н.В. Голос Гагаузии: Гагаузская автономия глазами ее жителей // Кишинев: Intellect Group, 2015. С. 102.
- Agnew J.A. Geopolitics: Revisioning World Politics. London: Routledge, 2003. P. 154.
- Anderson E.A. Backward, Forward, or Both? Moldovan Teachers' Relationship to the State and the Nation // European Education, – 2005 –Vol. 37. – No. 3. – P. 53–67. DOI:10.1080/10564934.2005.11042396
- Flint C. Introduction to Geopolitics. London: Routledge, 2006. P. 256.
- King Ch. Moldovan Identity and the Politics of Pan-Romanianism // Slavic Review. – 1994. – Vol. 53. No. 2. – P. 345 – 368.
- Olcott M.B. Kazakhstan: Unfulfilled Promise. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2010. 322 p.
- O'Tuathail G. Critical Geopolitics: The Politics of Writing Global Space. London: Routledge, 2005. P. 46.
- Yiftachel O. Nation-building and the Division of Space: Ashkenazi Domination in the Israeli «Ethnocracy» // Nationalism and Ethnic Politics. – 1998. – Vol. 4. No. 3. – P. 33–58.

GEOPOLITICAL CODES OF POST-SOVIET ETHNO-NATIONAL COMMUNITIES

IGOR OKUNEV

MGIMO University, Moscow 119454, Russia

Abstract

The article examines the processes of constructing identities in Moldovan ethnic minorities of Gagauz and Bulgarians. It reflects the results of the field study in relevant regions of the country in 2015. As Moldova is located in a contested zone defined by competition between Russian and European discourses the local population faces a serious, although misleading geopolitical choice. The authors attempt to illustrate the discursive complexity and specific features of Gagauz and Bulgarian national identities with the examples of their spatial images. While the representatives of the two groups migrated to the Moldovan territory simultaneously and lived side by side for a long time their identity developed in different ways, due to the variety in external pressure and opportunities. Since the collapse of the Soviet Union the Gagauz minority managed to acquire some administrative and political autonomy. Meanwhile, the Bulgarian population retains wider set of identity choices. So far, it refused to join the Gagauz autonomy and engaged in some cooperation with the state of Bulgaria. Both ethnic groups, however, suffer from depopulation and pressure from the dominating Moldovan elites. They attempt to achieve more inclusive national space in Moldova and at the same time rely on ties with the Russian culture and state to respond to the ethnic majority. The Russian language and memories of common co-citizenship in the Soviet Union remains a significant part of their identity. The preferences of Gagauz and Bulgarians stipulate them to choose the pro-Russian geopolitical orientation (with some certain divergence) which allows the authors to state the variety and multidimensionality of geopolitical discourses in Moldova.

Keywords:

Moldova, critical geopolitics, significant Other, Gagauz, Bulgarians, Russian-Western conflict, European civilization

Reference

- Agnew J.A. (2003). *Geopolitics: Re-visioning World Politics*. London: Routledge, 2003. 154 p.
- Anderson B. (2001). *Vobrazhaemye soobshhestva* [Imagined Communities]. Moscow: Kanon-Press-C, Kuchkovo pole. 288 p.
- Anderson E.A. (2005). Backward, Forward, or Both? Moldovan Teachers' Relationship to the State and the Nation. *European Education*. Vol. 37. No. 3. P. 53–67. DOI:10.1080/10564934.2005.11042396
- Bulgar C.C. (2006). *Istoriya i kultura gagauzov* [History and Culture of the Gagauz]. Chişinău: Pontos. 746 p.
- Flint C. (2006). *Introduction to Geopolitics*. London: Routledge. 256 p.
- Gadzhiev K.S. (2011). Nacionalnaya identichnost: kontseptualnyj aspekt [National Identity: Conceptual Aspect]. *Voprosy filosofii*. No. 10. P. 3–17.
- Grek I. (2006). Etnodemograficheskie protsessy sredi bolgar Moldovy i Ukrainy v seredine XVIII–XX v. [Ethno-demographic processes among the Bulgarians in Moldova and Ukraine in the mid XVIII – XX centuries]. *Rusin*. No. 4. P. 123–141.
- Guboglo M. N. (2007). Kontseptualno-metodicheskaya otvetstvennost' v poznanii etnicheskogo faktora [The conceptual-methodical responsibility in cognition of the ethnic factor]. *Rusin*. No. 1. P. 60 – 81.
- Johnson C, Coleman A. (2012). Vnutrennij «Drugoj»: dialekticheskie vzaimosvjazi mezhdru konstruirovaniem regionalnyh i nacionalnyh identichnostej [The Internal Other: Exploring the Dialectical Relationship Between Regional Exclusion and the Construction of National Identity]. *Kulturnaja i gumanitarnaja geografija*. No. 2 P. 107 – 125.

- Karanfil G. (2009). *Bytovaja leksika gagauzskogo jazyka (na osnove nazvanij odezhdy i obuvi)* [Domestic lexicon of the Gagauz language (on the basis of the names of clothes and shoes)]. Turkestanskaja Biblioteka. 91 p.
- King Ch. (1994). Moldovan Identity and the Politics of Pan-Romanianism. *Slavic Review*. Vol. 53. No. 2. P. 345 – 368. DOI: 10.2307/2501297
- Kolosov V.A., Zotova M.V. (2011). Geopoliticheskoe videnie mira rossijskimi grazhdanami: opyt primeneniya metodov "kriticheskoy geopolitiki". "Kriticheskoe" napravlenie v geopolitike: stala li, nakonets, geopolitika naukoy? [Geopolitical World Vision by Russia Citizens: the Record of "Critical Geopolitics" Methods Application. "Critical" Paradigm in Geopolitics" Has Geopolitics Finally become Scholarship] In *Geograficheskoe prostranstvo Rossii: obraz i modernizatsiya*. St. Petersburg: VVM. P. 92–114.
- Kvilinkova E. N. (2014). O sohrannosti traditsionnoj obryadnosti u bessarabskih gagauzov i bolgar cherez prizmu svyazi vremen [About Conservation of Traditional Rituals of the Bessarabia's Gagauz and Bulgarians through Time]. *Istoriya i sovremennost'*. No. 1(19). P. 182–189.
- Neumann I. (2004). *Ispolzovanie drugogo. Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskih identichnoctej* [Uses of the Other. The 'East' in European Identity Formation]. Moscow: Novoe Izdatelstvo. 336 p.
- Nikoglo D. K (2010). Voprosu o formirovanii ehtnicheskikh mifov i simvolov u gagauzov [The Issues of Emergence of the Ethnic Myths and Meanings among Gagauz]. In *Etnosociologicheskie i ehtnopsihologicheskie praktiki: metodologicheskie podhody i kommentarii*. ed. by M. V. Marunevich. Chisinau: Kishinev-Komrat. P. 50 – 81.
- Okunev I.YU. (2009). Geograficheskoe vooobrazenie kak predmet issledovaniya kriticheskoy geopolitiki [Geographic Imagination as a Subject Matter for Critical Geopolitics' Research]. *Politicheskaya nauka*. No. 4. P. 126–137.
- Olcott M.B. (2010). *Kazakhstan: Unfulfilled Promise*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace. 322 p.
- O'Tuathail G. (2005). *Critical Geopolitics: The Politics of Writing Global Space*. London: Routledge. 46 p.
- Sergeeva Z.V. (2015). Vizual'nye proyavleniya identichnosti v Kishineve [Visual Representation of Identity in Chisinau]. *Sravnitel'naya politika*. Vol 6. No. 4 (21). P. 59–61.
- Yiftachel O. (1998). Nation-building and the Division of Space: Ashkenazi Domination in the Israeli "Ethnocracy". *Nationalism and Ethnic Politics*. 1998. Vol. 4. No. 3. P. 33–58. DOI:10.1080/13537119808428537
- Zvjatkov N. V. (2015). *Golos Gagauzii: Gagauzskaya avtonomiya glazami eye zhitelej* [The voice of Gagauzia: Gagauzian autonomy with the eyes of its citizens]. Chisinau: Intellect Group. 102 p.